

— Майя Михайловна, как нашли Москву? Изменилась?

— Да нет, все по-прежнему. Быт ужасный.

— Значит, ничего нового?

— Отчего же? Вот теперь на Красной площади моды показывают (пауза). И сыра, говорят, уже не стало... Вообще.

— Зато вы нам по-прежнему дороги. Песни о вас народ складывает. В смысле «и так же в области балета мы впереди планеты всей».

— Это, увы, в прошлом. Скоро в Москве гастроли балета «Гранд Опера». Я уверена, у них будет успех. Они вообще открылены.

Теперь это лучшая балетная труппа мира. И все справедливо. Балет родился во Франции. Все эти «па-де-труа» на русский перевести невозможно. Что ж, первенство вернулось во Францию. И мы им где-то помогли.

— Почему вы уехали?

— Я не порвала с этой страной. Просто я работаю в Испании.

— Все тот же контракт с испанским королевским балетом?

— Нет, он кончился. Теперь это просто отдельные концерты.

— Их много?

— Нет.

— Вы уже купили квартиру в Мадриде?

— Что вы, на это нет денег. Я только два года работаю на себя, раньше 95 процентов отдавала государству. Теперь мне хватает только на аренду маленькой квартирки. Но она очень славная.

— Кто ваш круг там — русские эмигранты?

— Нет, я общаюсь с испанцами. Танцоры фламенко, актеры, музыканты.

— Вы хорошо знаете испанский?

— У меня вообще плохо с языками. А испанский? Так, каля-маля.

— Почему вы все-таки не возвращаетесь в Москву?

— Послушайте, я 46 лет на вас работала, на эту страну — и все впустую. Мне Гая Вишне-вская еще когда говорила: уезжай, они тебя все равно выбросят. И представьте, так все и случилось. (Пауза).

— ?

— Не знаете? Меня выпхвyrнули. Ставить ничего не давали. Написала письмо Горбачеву. Очень короткое и серьезное письмо. Он мне не ответил. Это и был ответ: мол, катись-ка ты отсюда. Я и укатилась.

— Теперь скучаете там?

— (Пауза). Честно говоря, приезжать часто нет желания. Когда видишь все это из прекрасного далека, не так больно. Не знаю, кому на Руси жить хорошо. По-моему, никому. Иностранцы уже начали что-то понимать. Но все равно еще восторгаются. Приезжают сюда, живут в «Метрополе» — шикарные номера с кондиционерами. Ездят на лимузинах с охраной и думают, что все здесь нормально, а у вас нет даже сыра. А они ходят на обеды во французское посольство и балдеют.

— Неужели лично вас так угнетает быт?

— Главное, конечно, театр. Не могу смотреть, как гибнет Большой.

— Но разве вы не можете организовать свою труппу? Или вы не мыслите себя в Москве вне Большого театра?

— Главная трагедия в том, что я уже не мыслю себя в Большом театре. Мне давно, вернее, всегда предлагали уехать на Запад. На фантастических условиях. Но я почему-то думала — теперь понимаю, по глупости, — что танцевать в Большом — это великое благо и большая честь. (Пауза). И огромная радость. Оказалось, я ошибалась всю жизнь. (Пауза).

— О чем вы говорите? Вы — символ русского балета. Неужели мало?

— Да, у меня, правда, всегда был самый большой успех. Я независима, и за это меня не любили. Завидовали моему таланту, но не меньше — моей независимости. Но мной хвалились. (Пауза).

— Как Гагариным.

— Вот-вот, из той же оперы. Когда приезжали большие зарубежные гости, танцевала только я. Все эти годы я была вашим оправданием. За рубежом говорили: раз Плисецкая не уезжает, значит, что-то в этой стране есть. А у вас на самом деле не было ничего. Это у меня была любовь к искусству. И я хотела делать искусство. Меня заставляли бороться. У меня был стыд, патриотизм. Я не последовала за Нуриевым и Барышниковым.

— Теперь жалеете?

— Да! Да! Да! Если бы я тогда уехала, как много я могла бы сделать! Здесь я всю жизнь танцевала «Лебединое озеро». Прекрасный балет, но я танцевала его ровно 30 лет. Это много.

— А что вы сейчас собираетесь танцевать в Испании на ближайшем концерте?



Майя Плисецкая не была в Москве год. Приехала на последний уикэнд по личной просьбе Пьера Кардена, по случаю первого показа его мод на Красной площади. Мы встретились накануне, в страшно жаркий день, в ее квартире в знаменитом кооперативе Большого театра на Тверской. Сияющие глаза, выброшенная в изломе рука в конце фразы — как в «Кармен-сюите». А твой умок быстренько припоминает из энциклопедии: Гер. Соц. Тр., Лен., нар. арт. 1925... Это что — ей 66?

— «Лебедя».

— Майя Михайловна, а теперь у вас какое-то иное отношение к слову «патриотизм»?

— А вы не замечаете, что все эти слова, которые нам повторяли с детства, вдруг стали звучать по-дурацки? Посмотрите, Москва пустеет. Все бегут.

— Отчего, как думаете?

— Потому что здесь для человека творческого нет никакой возможности ни жить, ни работать.

— Но ведь не везде же такая сложная ситуация, как в Большом.

— Э, нет, Большой — это модель всей нашей системы. Здесь всегда все держалось на рабстве и страхе. Бунтовавшие рабы уезжали. Все испокон веков держится на «низ-зя». Я всегда с этим сталкивалась. Нельзя было танцевать новые балеты, приглашать новых хореографов. С великими скандалами и боями я сделала несколько своих спектаклей. Это стоило жизни и мне, и Щедриной. До последнего момента никто не знал, разрешат ли «Анну Каренину». Когда мы репетировали ее на сцене, двери зала были закрыты: оркестру, балету запрещалось видеть, участвовать до высочайшего разрешения. Эта вседозволенность диктатора — характерный штрих нашей системы, где, как известно, кто начальник, тот и прав. Это даже не мафиозность, это что-то другое. Члены мафии заинтересованы поддерживать друг друга. В Большом все не заодно с диктатором, они с ним от страха. И при первой возможности отвернутся от него, предадут его. И, разумеется, как вся наша жизнь, Большой был пронизан марксистскими догмами.

— В чем это, например, выражалось?

— Очень просто. Модерн-балет был запрещен

вообще, потому что это противоречило социалистическому реализму. «Кармен-сюита» явилась настоящей революцией. Кроме всего прочего, «Кармен» раздражала откровенной чувственностью. Вы замечали, тоталитарные системы всегда предпочитают пуританство. Наверное, потому, что в сексе, в страсти есть что-то неподконтрольное.

— Ну, по крайней мере это-то уже в прошлом?

— Как сказать. Большой театр слыл символом всего советского. И блага, конечно. Все дочки и внуки политбюро уже рождались маленькими лебедями. Когда бабушки и бабушки внезапно исчезали, пятачки тут же превращались в двойки. Сразу, без антракта! Семенова, Мессерер — таких людей уже давно нет в училищах Большого театра. В театр пришли совсем другие люди — очень советские. То, что сегодня Большой рушится, это вполне закономерно. Он летит в пропасть вместе с подмявшей его советской системой. Такое ощущение, что здесь, в этой стране, цвет искусства и науки не растеряли, а специально разбросали.

— Все-таки, может быть, многие ваши проблемы здесь, на родине, от особой конфликтности вашего характера?

— Это не конфликтность, это опять-таки независимость. Может быть, индивидуализм. Я убежала из детского сада, из школы. Как себя помню, с четырехлетнего возраста я ненавидела общественную жизнь.

— Ну, по крайней мере теперь, в Испании, вы ни с кем не боретесь? Вы наконец обрели независимость?

— Да, теперь я ни с кем не борюсь. Просто живу, работаю, делаю что хочу. Меня ценят. Я

«Я
ТЕПЕРЬ
НИ С КЕМ
НЕ
БОРЮСЬ!..»



чувствую себя нужной. 3 июля испанский король Карлос награждает меня золотой медалью Испании. Это невероятно почетно. Не знаю, есть ли у кого из артистов такая награда. И такое отношение «там» всюду. Только недели две назад в Сен-Сансе (это 100 километров от Парижа) балетная труппа «Гранд Опера» устроила ради меня целое представление. Понимаете, они танцевали для меня. И афиши были расклеены по всему Парижу, даже в метро. И на этом представлении рядом со мной сидел Карден. Он пригласил меня в Москву и, кажется, очень боялся, что я откажусь.

Карден — необыкновенный друг. Он сделал мне 30 платьев, каждое стоимостью в машину. И ни разу не попросил даже о рекламе. Просто из любви к искусству.

— Майя Михайловна, вы теперь счастливы?

— У каждого возраста есть свои проблемы. И все очень сложно. Если бы здесь были маломальски сносные условия, я бы жила здесь. Зрители мне пишут: не уезжайте, вы — из того немногочисленного, что у нас есть. Но если ты не можешь ни ставить, ни преподавать, ни выступать — зачем тогда жить?

— А Щедрин?

— Он, конечно, мой светоч. Очень-очень близкий человек. Сейчас он в Германии, пишет фортепианный концерт по заказу «Стейнвей». Но 3 июля мы встретимся в Мадриде.

— А что потом — вы вернетесь?

— Пока точно нет. Меня эта страна растоптала. Здесь всегда все было против человека. Система, которая мечтает изменить биологию, — это какая-то фигня. У меня здесь не осталось ничего, даже хороших фильмов с моим участием. Как назло, почти все абсолютно бездарные. Лучше бы осталась просто легенда.

— Сейчас многие связывают надежды с новым российским правительством. А вы?

— Пока я вижу: здесь по-прежнему борются и поднимают очередное знамя. Как сказала героиня одной хорошей бродвейской пьесы, знамя поднимают только тогда, когда ничего больше уже не поднимается. А так отчего же? Я тоже надеюсь, молюсь. Может быть, здесь и появится что-нибудь хорошее. Ну, хотя бы сыр.

Беседовала Елена ЧЕКАЛОВА.

Фото Александра МАКАРОВА.